Г. К. ЧЕСТЕРТОН

ТАЙНА ОТЦА БРАУНА

ДЕТЕКТИВНЫЕ РАССКАЗЫ

Сломанная шпага
Гилберт Кийт Честертон

Аннотация
Гилберт Кийт Честертон. Сломанная шпага

Аннотация

«Тысячи рук леса были серыми, а миллионы его пальцев – серебряными. Яркие и тусклые звезды в темном небе оттенка зеленовато-синего сланца сверкали и поблескивали, словно кусочки льда. Вся округа, заросшая густым лесом и малонаселенная, была скована жестоким морозом. Черные промежутки между стволами деревьев напоминали бездонные темные пещеры жестокого скандинавского ада, обители невыразимого холода. Даже квадратная каменная колокольня казалась монументом северного язычества, словно некая варварская башня среди приморских утесов Исландии. Ночь была явно неподходящей для осмотра кладбища; с другой стороны, оно заслуживало внимания…»

Гилберт Кийт Честертон
Сломанная шпага

Тысячи рук леса были серыми, а миллионы его пальцев — серебряными. Яркие и тусклые звезды в темном небе оттенка зеленовато-синего сланца сверкали и поблескивали, словно кусочки льда. Вся округа, заросшая густым лесом и малонаселенная, была скована жестоким морозом. Черные промежутки между стволами деревьев напоминали бездонные темные пещеры жестокого скандинавского ада, обители невыразимого холода. Даже квадратная каменная колокольня казалась монументом северного язычества, словно некая варварская башня среди приморских утесов Исландии. Ночь была явно неподходящей для осмотра кладбища; с другой стороны, оно заслуживало внимания.

Кладбище возвышалось над пепельным покровом леса на горбатом холме, покрытом зеленым дерном, который казался серым в звездном свете. Большинство могил находилось на склоне, и тропа, ведущая к церкви, напоминала крутую лестницу. На вершине холма, на единственной ровной и хорошо заметной площадке, стоял памятник, которым славилось это место. Он странно контрастировал с неприметными могилами, так как был изваян одним из величайших скульпторов современной Европы, чья слава,

впрочем, бледнела по сравнению с известностью человека, чей образ был создан его руками. Серебристый карандаш звездного света легкими штрихами очерчивал мощную металлическую фигуру лежащего солдата, чьи сильные руки были сложены в жесте вечной молитвы, а большая голова покоилась на прикладе ружья. Его величавое лицо обрамляла борода, или, вернее, густые бакенбарды в старом тяжеловесном стиле полковника Ньюкома. Мундир, обозначенный несколькими незамысловатыми контурами, представлял собой обычную форму современного образца. Справа от него лежала шпага со сломанным концом, слева Библия. В ясные солнечные дни сюда приезжали экипажи, набитые американцами и просвещенными жителями пригородов, желающими осмотреть надгробие, но даже их угнетало унылое безмолвие круглого холма с церковью и кладбищем, возвышавшегося над окрестными чащами. Сейчас, в морозной тьме глубокой зимы, у любого могло возникнуть ощущение, будто он остался наедине со звездами. Но в звенящей тишине скрипнула деревянная калитка, и две смутные фигуры, одетых в черное, поднялись по тропинке к надгробию.

Холодный свет звезд был таким слабым, что

о них трудно было сказать что-то определенное, кроме их размера. Оба носили черное, но, если один казался чрезвычайно рослым, другой (возможно, по сравнению с первым) выглядел настоящим коротышкой. Они приблизились к надгробию великого воина и несколько минут молча разглядывали его. Вокруг не было ни души, возможно, даже ни одного живого существа, и болезненно впечатлительному воображению могло показаться, что они сами не принадлежат к роду человеческому. Как бы то ни было, начало их разговора было странным. После продолжительного молчания маленький человек обратился к своему спутнику:

— Где умный человек прячет гальку?

— На морском берегу, — низким голосом отозвался тот.

Маленький человек кивнул и после небольшой паузы спросил:

— А где умный человек прячет лист?

— В лесу, — последовал ответ.

Снова наступило молчание, после которого высокий вернулся к беседе:

— Вы хотите сказать, что, когда умному человеку нужно спрятать настоящий алмаз, он смешает его с поддельными? — спросил он.

— Нет, нет, — со смехом сказал маленький. — Кто прошлое помянет, тому глаз вон.

Он потоптался на месте, чтобы согреть озябшие ноги, и добавил:

— Я думаю вовсе не об этом, а о чем-то другом, весьма необычном. Зажгите спичку, пожалуйста.

Большой порылся в кармане, чиркнул спичкой, и вспыхнувший огонек озарил золотистым светом плоскую грань монумента. На ней черными буквами были высечены хорошо известные слова, которые многие американцы читали с почтением: «В память о генерале Артуре Сент-Клере, герое и мученике, всегда побеждавшем своих врагов, всегда щадившем их и предательски убитом ими. Пусть Господь, в которого он верил, воздаст ему по заслугам и отомстит за него».

Спичка догорела до пальцев большого человека, почернела и упала. Он собрался было зажечь следующую, но маленький спутник остановил его.

— Спасибо, старина Фламбо, я увидел все, что хотел. Или, скорее, я не увидел то, чего не хотел увидеть. Теперь нам нужно пройти полторы мили до ближайшей гостиницы, и я попробую рассказать вам все, что знаю об этом. Видит Бог, если человек набирается смелости рассказать та-

кую историю, лучше сидеть у камина с кружкой эля в руке.

Они спустились по крутой тропинке, закрыли за собой скрипучую калитку и пустились в путь по мерзлой лесной дороге, сильно топая, чтобы разогнать кровь по жилам. Лишь через четверть мили маленький человек снова нарушил молчание.

— Да, умный человек прячет гальку на пляже, — сказал он. — Но что делать, если нет пляжа? Вы что-нибудь знаете о несчастье, постигшем великого Сент-Клера?

— Я ничего не знаю об английских генералах, отец Браун, — со смехом ответил его рослый собеседник, — зато мне кое-что известно об английских полисменах. Я знаю лишь, что вы устроили мне настоящий вояж по всем святилищам, воздвигнутым в честь этого джентльмена, кем бы он ни был. Можно подумать, его похоронили в шести разных местах. Я видел мемориал генерала Сент-Клера в Вестминстерском аббатстве; я осмотрел конную статую генерала Сент-Клера на набережной Темзы; я видел памятную доску генерала Сент-Клера на улице, где он родился, и еще одну на улице, где он жил. Теперь вы после темноты притащили меня к его надгробию на

сельском кладбище. Признаться, я уже немного устал от этой замечательной личности, особенно потому, что не имею ни малейшего понятия, кто он такой. За чем вы охотитесь среди всех этих склепов и скульптур?

— Я ищу всего лишь одно слово, — сказал отец Браун. — Слово, которого там нет.

— Может быть, вы наконец что-нибудь расскажете? — предложил Фламбо.

— Мне придется разделить свою историю на две части, — ответил священник. — Сначала о том, что известно всем, а дальше о том, что известно мне. Общеизвестная часть достаточно короткая и простая, но при этом совершенно ошибочная.

— Вот и замечательно, — жизнерадостно произнес здоровяк по имени Фламбо. — Давайте начнем не с того конца. Начнем с неправды, которую знают все.

— Это не совсем неправда, но далеко не вся правда, — продолжал Браун. — По сути дела, широкой публике известно следующее: Артур Сент-Клер был великим и удачливым английским полководцем. После блестящих, хотя и тщательно спланированных военных кампаний в Индии и Африке он получил командную должность в новой кампании Бразилии, когда

великий бразильский патриот Оливье объявил свой ультиматум. Сент-Клер с очень небольшими силами атаковал Оливье, возглавлявшего огромную армию, и был взят в плен после героического сопротивления. Потом Сент-Клера повесили на ближайшем дереве, к ужасу и негодованию всего цивилизованного мира. Его нашли болтающимся в петле после отступления бразильцев, а сломанная шпага висела у него на шее.

— И эта известная история — неправда? — поинтересовался Фламбо.

— Нет, — тихо сказал его друг. — До сих пор все правда.

— Этого уже более чем достаточно! — произнес Фламбо. — Но если все это правда, то в чем же тайна?

Прежде чем маленький священник ответил на вопрос, они прошли мимо сотен серых и призрачных деревьев.

— Тайна в психологии, или, скорее, в двух психологиях, — сказал он, задумчиво покусывая палец. — В этой бразильской кампании два самых прославленных деятеля современной истории поступили наперекор своему характеру. Заметьте, и Оливье, и Сент-Клер были героями в старинном смысле этого слова, и их борьба несо-

мненно напоминала противоборство Гектора и Ахиллеса. Но что вы скажете о поединке, в котором Ахилл проявил робость, а Гектор совершил предательство?

— Продолжайте, — попросил Фламбо, когда маленький священник снова куснул свой палец.

— Сэр Артур Сент-Клер был солдатом старой закалки, наподобие тех, которые спасли британцев во время восстания сипаев, — продолжал Браун. — Он ставил долг превыше безрассудной отваги и при всем своем личном мужестве был очень благоразумным командиром, особенно не любившим без необходимости тратить солдатские жизни. Но в этом последнем бою он совершил нечто абсурдное даже для младенца. Не нужно быть стратегом, чтобы понять все безумие его замысла; точно так же не нужно быть стратегом, чтобы отступить в сторону от едущего автобуса. Вот и первая загадка: что взбрело в голову английскому генералу? А вот и вторая: куда делось сердце бразильского полководца? Президента Оливье можно назвать провидцем или проходимцем, в зависимости от точки зрения, но даже его враги признавали, что он был великодушен как странствующий рыцарь. Почти все, кто попадал к нему в плен, были отпущены

и даже осыпаны его милостями. Люди, действительно причинившие ему зло, уходили, тронутые его сердечностью и простотой. С какой стати он единственный раз в своей жизни пошел на жестокую месть, причем за такое нападение, которое не могло ему повредить? То-то и оно. Один из самых разумных людей на свете повел себя как идиот без всякой причины. Один из самых добродетельных людей на свете повел себя как злобный демон, тоже без всякой причины. Вот и все; остальное, мой друг, я оставляю на ваше усмотрение.

— Ну уж нет! — фыркнул собеседник. — Вы начали, так что будьте добры рассказать остальное.

— Что ж, — вздохнул отец Браун. — Было бы несправедливо утверждать, что общественное мнение именно таково, как я сказал, и умолчать о двух вещах, которые случились с тех пор. Они едва ли проливают новый свет на загадку, потому что никто не может понять, что они означают. Скорее они порождают новую тьму и распространяют мрак в новом направлении. Сначала произошло вот что. Семейный врач Сент-Клеров поссорился с ними и опубликовал несколько крайне резких статей, в которых называл покойного генерала

религиозным маньяком; впрочем, если судить по его собственным словам, это означало, что речь идет не более чем о страстно верующем человеке. Так или иначе, скандал быстро угас. Конечно, все знали, что Сент-Клер был подвержен некоторым излишествам пуританского благочестия. Второй инцидент был гораздо более увлекательным. В том злополучном полку, который без всякой поддержки устремился в безрассудную атаку на Черной реке, служил некий капитан Кейт, который в то время был обручен с дочерью Сент-Клера и впоследствии женился на ней. Он находился в числе тех, кто попал в плен к Оливье, и, как и все остальные — за исключением генерала, — встретил милосердное обращение и быстро обрел свободу. Примерно через двадцать лет этот человек, теперь уже подполковник Кейт, опубликовал автобиографию под названием «Британский офицер в Бирме и Бразилии». В том месте, где любознательный читатель надеется найти разгадку таинственной гибели Сент-Клера, он видит следующие слова: «Везде в этой книге я описывал события в точности так, как они происходили, придерживаясь старомодного убеждения, что боевая слава Англии не нуждается в приукрашивании. Единственное исключение я делаю в том,

что касается поражения при Черной реке, и хотя это делается по причинам личного свойства, они вполне убедительны и достойны уважения. Тем не менее, чтобы отдать должное памяти двух выдающихся людей, я должен добавить несколько слов. Генерала Сент-Клера обвиняли в некомпетентности за его поведение в тот день. Я же по меньшей мере могу засвидетельствовать, что эта атака, будучи правильно понятой, была одним из самых блестящих и здравых поступков в его жизни. По тому же поводу президента Оливье обвиняют в жестокости и несправедливости. Я должен отдать честь противнику и сказать, что в этом случае он вел себя еще более великодушно, чем обычно. Проще говоря, могу заверить моих соотечественников, что Сент-Клер ни в коем случае не был таким безумцем, а Оливье — таким варваром, как он выглядел. Это все, что я могу сказать, и ничто в этом мире не заставит меня сказать больше».

В переплетении ветвей впереди показалась большая застывшая луна, похожая на блестящий снежок, и при ее свете рассказчик смог освежить свои воспоминания по листку бумаги из книги капитана Кейта. Когда он сложил листок и убрал в карман, Фламбо вскинул руку в характерном

французском жесте.

— Постойте, постойте! — взволнованно произнес он. — Кажется, я могу с первой попытки угадать, в чем тут дело.

Он шел вперед широко, тяжело дыша, наклонив темноволосую голову и вытянув мощную шею, словно человек, выигрывающий состязание по спортивной ходьбе. Маленький священник, довольный и заинтересованный, с некоторым трудом поспевал за ним. Деревья перед ними расступились слева и справа, и дорога широким изгибом пошла вниз через ясную, залитую лунным светом долину, пока не нырнула в новую лесистую стену, словно кролик в кусты. Вход в дальний лес был похож на далекий темный провал железнодорожного тоннеля. Собеседники прошли еще несколько сотен ярдов, и вход вырос до размеров пещеры, прежде чем Фламбо снова подал голос.

— Я все понял, — воскликнул он, хлопнув себя по бедру большой ладонью. — Четыре минуты на размышление, и я сам могу рассказать вам, что случилось на самом деле.

— Хорошо, — согласился его друг. — Тогда рассказывайте.

Фламбо поднял голову, но понизил голос.

— Генерал Артур Сент-Клер происходил из семьи, страдавшей наследственным безумием, — сказал он. — Его главная цель заключалась в том, чтобы скрыть это обстоятельство от своей дочери и даже, по возможности, от своего будущего зятя. Верно или нет, но он считал, что уже близок к окончательному сумасшествию, и решился на самоубийство. Но обычное самоубийство выставило бы напоказ его причину, чего он страшился больше всего. В начале военной кампании его разум уже подернулся мглой, и в какой-то безумный момент он принес общественный долг в жертву личным соображениям. Он безрассудно устремился в бой, надеясь пасть от первой же пули. Когда он обнаружил, что получил лишь плен и бесчестье, бомба в его голове наконец взорвалась: тогда он сломал свою шпагу и повесился.

Фламбо устремил взор на серый лесной фасад перед ним, с темным провалом по центру, подобным зеву могилы, куда лежал их путь. Наверное, жуткий вид внезапно исчезающей дороги наложился на яркую картину трагедии, потому что он зябко передернул плечами.

— Ужасная история, — сказал священник, не поднимая головы. — Но это не настоящая история.

Потом он вскинул голову и добавил с непонятным отчаянием:

— Хотелось бы мне, чтобы все было так на самом деле!

Фламбо обернулся и посмотрел на него с высоты своего роста.

— Вы рассказали честную историю, — продолжал отец Браун, глубоко тронутый услышанным. — Честную, чистую, непорочную, такую же белую и открытую, как эта луна. Безумие и отчаяние — достаточно невинные вещи. Есть нечто гораздо худшее, Фламбо.

Фламбо тревожно посмотрел на луну, о которой шла речь; оттуда, где он стоял, черный древесный сук изгибался на фоне ночного светила, словно рог дьявола.

— Как, отец мой? — воскликнул он, сопроводив свои слова очередным французским жестом и еще быстрее зашагав вперед. — Вы хотите сказать, что на самом деле все было еще хуже?

— Хуже, — эхом отозвался священник. Они снова вошли под темный покров леса, распростершийся с обеих сторон выцветшим гобеленом стволов, словно коридор в сновидении. Когда они оказались в одном из самых укромных уголков лесной чащи, среди шелеста невидимой листвы,

отец Браун заговорил снова:

— Где умный человек прячет лист? В лесу. Но что он делает, если вокруг нет леса?

— Да, да, — раздраженно поторопил Фламбо. — Что же он делает?

— Он выращивает лес, чтобы спрятать лист, — бесцветным голосом ответил священник. — Это ужасный грех.

— Послушайте! — нетерпеливо вскричал его друг, которому начинали действовать на нервы темные чащи и туманные высказывания. — Вы наконец расскажете мне эту историю или нет? О чем еще я не знаю?

— Есть еще три свидетельства, которые мне удалось выискать по норам и углам, и я представлю их скорее в логическом, чем в хронологическом порядке. Во-первых, источник наших сведений о подготовке к битве и ее исходе — это донесения самого Оливье, вполне ясные и понятные. Он окопался с двумя или тремя полками на высотах, примыкавших к Черной реке, на другой стороне которой местность была более низменной и заболоченной. За низменностью на пологом подъеме находился первый английский аванпост, подкрепленный другими, которые, однако, располагались далеко позади. Британский

контингент в целом значительно превосходил бразильский, но этот конкретный полк так отдалился от своей базы, что Оливье обдумывал возможность переправиться через реку и отрезать его от главной армии. Впрочем, на закате он решил остаться на своей превосходно укрепленной позиции. На рассвете следующего дня он с изумлением увидел, что эта заблудшая горстка англичан без всякой поддержки с тыла начала переправляться через реку. Одна половина полка прошла по мосту справа, другая по броду выше по течению, а потом все собрались на болотистом берегу прямо под ним.

То, что они собрались атаковать численно превосходящего противника, занимавшего сильную позицию, само по себе казалось невероятным, но Оливье заметил нечто еще более необычное. Вместо того чтобы попытаться занять более твердую почву, этот безумный полк, оставивший реку у себя в тылу, завяз в болоте, словно мухи в патоке. Не стоит и говорить, что бразильская артиллерия проделала в их строю огромные бреши, на которые они могли отвечать лишь стойким, но быстро ослабевающим ружейным огнем. Однако они не дрогнули, и Оливье завершает свое немногословное повествование выражением

глубокого восхищения необъяснимой доблестью этих кретинов. «Наконец наша цепь перешла в наступление, — пишет Оливье, — и загнала их в реку; мы захватили самого генерала Сент-Клера и нескольких других офицеров. Полковник и майор пали в бою. Не могу удержаться от искушения и скажу, что история видела немного более славных зрелищ, чем последний бой этого необыкновенного полка. Раненые офицеры подбирали ружья убитых солдат, а сам генерал был верхом, с непокрытой головой и сломанной шпагой в руке». О том, что случилось с генералом впоследствии, Оливейра умалчивает, как и капитан Кейт.

— Хорошо, — пробурчал Фламбо. — Переходите к следующему свидетельству.

— Для того чтобы найти его, понадобилось некоторое время, но рассказ будет недолгим, — сказал отец Браун. — В одной богадельне на линкольнширских болотах я разыскал пожилого солдата, который не только был ранен в битве при Черной реке, но и стоял на коленях у тела полковника, когда тот испустил дух. То был некий полковник Клэнси, здоровенный ирландец, и у меня сложилось впечатление, что он умер от ярости, а не только от вражеских пуль.

Во всяком случае, он не нес ответственности за эту нелепую вылазку, навязанную генералом. Согласно моему информатору, перед смертью он произнес следующие поучительные слова: «Вон едет проклятый старый осел со сломанной шпагой. Лучше бы это была его голова». Обратите внимание, все заметили, что конец клинка был отломан, хотя большинство людей отнеслись к этому обстоятельству с большим почтением, чем покойный полковник Клэнси. А теперь перейдем к третьему свидетельству.

Лесная дорога пошла в гору, и рассказчик помедлил, чтобы перевести дух перед продолжением истории. Потом он заговорил прежним деловым тоном:

— Один или два месяца назад в Англии умер некий бразильский чиновник, который поссорился с Оливейрой и уехал из страны. Этот испанец по фамилии Эспадо был хорошо известной личностью как здесь, так и на континенте. Я лично знал его — желтолицый старый щеголь с крючковатым носом. По разным причинам личного характера мне позволили осмотреть документы, оставшиеся после его смерти. Разумеется, он был католиком, и я находился рядом с ним до самого конца. В его бумагах не было

ничего, что могло бы пролить свет на темное дело Сент-Клера, кроме пяти-шести тетрадей с дневниковыми записями английского солдата. Могу лишь предположить, что они были найдены бразильцами на теле одного из павших. Как бы то ни было, записи заканчивались в ночь перед битвой.

Но рассказ о последнем дней жизни этого бедняги несомненно заслуживал внимания. Он у меня с собой, но здесь слишком темно для чтения, и я ограничусь кратким пересказом. Первая часть этой записи пестрит шутками, очевидно, гулявшими среди солдат и связанными с человеком, которого они называли Стервятником. Судя по всему, этот человек, кем бы он ни был, не принадлежал к их числу и даже не был англичанином, но о нем и не говорили как об одном из противников. Он скорее похож на местного наблюдателя, не принимавшего участия в боевых действиях; возможно, он был журналистом или проводником. Он о чем-то совещался наедине с полковником Клэнси, но чаще его видели беседующим с майором. Кстати, майор занимает видное место в рассказе нашего солдата — худощавый темноволосый человек по фамилии Мюррей, пуританин из северной Ирландии. Автор то и

дело подшучивает над контрастом между этим суровым уроженцем Ольстера и компанейской натурой полковника Клэнси. Есть также шутливое упоминание о Стервятнике, носившем одежду ярких расцветок.

Но все это легкомыслие рассеялось при звуке армейского горна. За лагерем англичан, почти параллельно реке, проходила одна из немногих больших дорог в этом районе. На западе дорога изгибалась по направлению к реке и пересекала ее по вышеупомянутому мосту. На востоке дорога уходила в пустоши, и примерно в двух милях от нее находился следующий английский аванпост. Именно оттуда вечером донесся лязг и топот отряда легкой кавалерии, в составе которого даже наш простодушный автор с изумлением разглядел генерала и членов его штаба. Сент-Клер скакал на громадном белом коне, каких часто можно видеть в иллюстрированных газетах и на картинах Академии художеств, и можете быть уверены, что ему устроили не обычное воинское приветствие. Впрочем, он не стал тратить время на церемонии, но сразу же соскочил с седла, подошел к группе офицеров и завязал с ними оживленную, хотя и конфиденциальную беседу. Нашего автора больше всего поразила его особая

склонность к обсуждению дел с майором Мюрреем, но на самом деле такое предпочтение, пока оно не было подчеркнутым, выглядело вполне естественно. Эти двое мужчин должны были испытывать симпатию друг к другу, потому что оба они «затвердили свою Библию» и были офицерами старого протестантского образца. Так или иначе, когда генерал вернулся в седло, он продолжал о чем-то разговаривать с Мюрреем, и, пока его конь медленно шел по дороге в сторону реки, высокий ольстерец шагал возле повода, поглощенный беседой. Солдаты наблюдали за обоими, пока они не скрылись за рощей деревьев, где дорога поворачивала к реке. Полковник вернулся в свою палатку, а солдаты разошлись по пикетам, но автор дневника задержался еще на несколько минут и увидел необыкновенное зрелище.

Громадный белый конь, который еще недавно медленно шествовал по дороге, как это бывало во время многих парадов, несся обратно во весь опор, словно победитель призовых скачек. Сначала людям показалось, что лошадь понесла, но вскоре они увидели, что генерал, превосходный наездник, сам побуждает ее мчаться на полной скорости. Конь и человек вихрем подлетели к ним, а потом генерал, осадив своего скакуна,

повернул к ним побагровевшее лицо и позвал полковника голосом, громким, как трубы Судного дня.

Полагаю, все потрясающие события этой катастрофы как бревна в затоне громоздились друг на друга в умах таких людей, как наш автор дневника. В каком-то сумеречном состоянии, словно в дурном сне, они буквально сбежались на построение и узнали, что им предстоит немедленно перейти в наступление через реку. Генерал и майор якобы обнаружили что-то у моста, и теперь им едва хватит времени, чтобы нанести упреждающий удар ради спасения своей жизни. Майор сразу же отправился назад по дороге за подкреплением, но сомнительно, что помощь прибудет вовремя, даже несмотря на спешку. Ночью они должны переправиться через реку, а утром захватить высоты, занятые противником. Дневник внезапно заканчивается как раз в тревоге и сумятице приготовлений к этому романтическому ночному маршу.

Отец Браун немного опередил своего спутника, потому что лесная дорога становилась более узкой, крутой и извилистой, словно они поднимались по винтовой лестнице. Голос священника доносился из темноты наверху.

— Есть еще одна мелочь, имевшая огромное значение. Когда полковник призвал солдат смело идти в атаку, он наполовину достал шпагу из ножен, а потом, словно устыдившись подобной мелодрамы, вставил ее обратно. Как видите, опять эта шпага!

Через сплетение ветвей над путниками пробилось слабое сияние, образовавшее призрачную сеть у них под ногами; они снова поднимались к неверному полусвету морозной ночи. Фламбо ощущал истину повсюду вокруг себя, близкую как воздух, но не как мысль.

— В чем дело с этой шпагой? — озадаченно пробормотал он. — Офицеры обычно носят шпагу, не так ли?

— В современной войне не часто упоминают о холодном оружии, — бесстрастно отозвался священник. — Но здесь мы повсюду натыкаемся на этот ужасный клинок.

— Ну и что? — буркнул Фламбо. — Всего лишь грошовая сенсация: старый командир сломал шпагу в своем последнем бою. Можно поспорить, что газетчики ухватятся за нее, как это обычно бывает. На всех памятниках и надгробиях шпага изображена с отломанным концом. Надеюсь, вы потащили меня в эту полярную экспедицию не

из-за того, что два человека с живым воображением видели сломанную шпагу Сент-Клера?

— Нет, — резкий ответ отца Брауна прозвучал словно выстрел из пистолета. — Но кто видел его шпагу *целой*?

— Что вы имеете в виду? — воскликнул его спутник и встал неподвижно под звездами. Они внезапно вышли из серых ворот леса.

— Я говорю, кто видел его шпагу *целой*? — упрямо повторил отец Браун. — Во всяком случае, не автор дневника; генерал успел вовремя убрать ее в ножны.

Фламбо посмотрел на него в лунном свете, как слепой человек смотрит на солнце, и тогда голос его друга впервые зазвучал напряженно.

— Послушайте, Фламбо, — сказал он, — я не могу это доказать, сколько бы ни охотился среди могил. Но я уверен в этом. Позвольте мне добавить один крошечный факт, переворачивающий все с ног на голову. По странной случайности полковник был одним из первых, кто пострадал от пули. Он был ранен задолго до того, как войска вошли в тесное соприкосновение с противником. Но он видел сломанную шпагу Сент-Клера. Почему она была сломана? Как это произошло? Мой друг, она была сломана еще до начала боя.

— Ах, вот оно как! — произнес его друг с наигранной комичностью. — И где же другой кусок?

— Могу сказать, — быстро отозвался священник. — В северо-западном углу кладбища протестантского собора в Белфасте.

— В самом деле? Вы нашли его?

— Я не мог этого сделать, — с неподдельным сожалением признался Браун. — Над ним установлен большой мраморный монумент в честь героического майора Мюррея, павшего смертью храбрых в славном сражении у Черной реки.

Фламбо вздрогнул, как будто пораженный разрядом гальванического тока.

— Вы хотите сказать, — хрипло вскричал он, — что генерал Сент-Клер ненавидел Мюррея и убил его на поле боя, потому что…

— Вы по-прежнему исполнены чистых и благих мыслей, — сказал священник. — Все было гораздо хуже.

— Хорошо, — произнес большой человек. — Тогда мой запас злонамеренных измышлений можно считать исчерпанным.

Казалось, священник заколебался, не зная, с чего начать. Наконец он снова завел свою притчу:

— Где умный человек прячет лист? В лесу.

Его собеседник не ответил.

— Если вокруг нет леса, он создает лес. А если он хочет спрятать высохший лист, он создает мертвый лес.

Ответа снова не последовало, и священник добавил еще более тихим и печальным голосом:

— А если человек хочет спрятать труп, он создает целое поле из мертвых тел.

Фламбо зашагал вперед, словно не мог более вытерпеть задержки во времени или в пространстве, но отец Браун продолжал как ни в чем не бывало:

— Как я уже говорил, Артур Сент-Клер был человеком, который затвердил *свою* Библию. Это многое объясняет. Когда люди поймут, что человеку бесполезно читать свою Библию, если при этом он не читает Библию, написанную для всех остальных? Наборщик читает Библию в поисках опечаток. Мормон читает Библию и находит там многоженство; поборник христианской науки читает Библию и обнаруживает, что у нас нет рук и ног. Сент-Клер был старым англо-индийским служакой и ревностным протестантом. Только подумайте, что это может означать, и, ради всего святого, обойдитесь без лицемерия. Это может означать, что физически крепкий человек жил под тропическим солнцем в восточном обще-

стве и без всякого здравомыслия и духовного наставления штудировал книгу, написанную на Востоке. Разумеется, он отдавал Ветхому Завету предпочтение перед Новым Заветом. Разумеется, он нашел в Ветхом Завете все, что хотел найти: похоть, тиранию, предательство. Осмелюсь утверждать, что он был честен на свой манер. Но что хорошего, если человек честен в своем преклонении перед бесчестием?

В какую бы жаркую и таинственную страну ни попадал этот человек, он содержал гарем, пытал свидетелей и накапливал преступные богатства, но без тени сомнения во взоре мог сказать, что делает это во славу Господа. Мою собственную теологию можно выразить в одном вопросе: какого Господа? В природе такого зла есть одно свойство: оно открывает все новые и новые двери преисподней и каждый раз попадает в комнаты меньшего размера. Вот настоящий аргумент против преступлений — человек не становится все более распущенным, а лишь все более убогим. Сент-Клер задыхался в трясине взяток и шантажа и все больше нуждался в деньгах. Ко времени битвы у Черной реки он пал так низко, что оказался в последнем круге Дантова ада.

— Что вы имеете в виду? — снова спросил его

друг.

— Вот это, — ответил священник и неожиданно показал на обледеневшую лужицу, блестевшую в лунном свете. — Вы помните, кого Данте поместил в последний, ледяной круг преисподней?

— Предателей, — сказал Фламбо и вздрогнул всем телом. Обводя взглядом холодный и безжизненный лесной ландшафт с резкими, почти непристойными очертаниями, он почти мог представить себя в образе Данте, а священник с журчащим ручейком его голоса, конечно же, был Вергилием, ведущим своего спутника через страну неизбывных грехов.

Голос продолжал:

— Как известно, Оливье отличался своим донкихотством и запретил деятельность тайных служб и шпионов. Но она, как и многие другие вещи, продолжалась за его спиной. Ею руководил мой давний знакомец Эспадо; именно он был тем щеголем в ярких одеждах, которого прозвали Стервятником из-за его крючковатого носа. В роли этакого филантропа на фронте он на ощупь искал слабые места в английской армии и наконец добрался до единственного продажного человека, который — Господи, помилуй! — занимал самый высокий пост. Сент-Клеру срочно

требовались деньги, целые горы денег. Посудите сами: дискредитированный семейный врач угрожает необыкновенными разоблачениями, которые вдруг стихают, не успев начаться; ходят слухи о чудовищных и варварских вещах, которые творятся на Парк-Лейн; английский протестант совершает поступки, попахивающие рабством и человеческими жертвоприношениями. Деньги требовались и для приданого его дочери, а для него самого блеск богатства был не менее сладок, чем само богатство. Тогда он сжег за собой мосты, шепнул слово бразильцу, и золото потекло к нему от врагов Англии. Но другой человек тоже успел побеседовать с Эспадо-Стервятником. Каким-то образом угрюмый молодой майор из Ольстера узнал ужасную правду, и, когда майор с генералом медленно двинулись по дороге к мосту, Мюррей сказал Сент-Клеру, что он должен немедленно подать в отставку или же предстать перед военно-полевым судом и отправиться на расстрел. Генерал тянул время, пока они не приблизились к зарослям тропических деревьев у моста. Там, под плеск реки и шелест залитых солнцем пальм (так я представляю эту картину), генерал выхватил шпагу и заколол майора.

Зимняя дорога перевалила через застывший гребень со зловещими черными силуэтами кустов и ограды, но Фламбо показалось, что вдалеке виднеется некий слабый ореол — не лунный и не звездный свет, а огонь, зажженный людьми. Он смотрел на огонек, пока рассказ близился к завершению.

— Сент-Клер был исчадием ада, но породистым исчадием. Готов поклясться, он никогда не проявлял такой силы воли и здравомыслия, как в тот момент, когда бездыханное тело несчастного Мюррея лежало у его ног. Капитан Кейт верно сказал, что, несмотря на все свои победы, этот великий человек никогда не был так велик, как в своем последнем поражении. Он хладнокровно осмотрел свое оружие, собираясь вытереть кровь, и обнаружил, что кончик шпаги, которую он вогнал между лопаток жертвы, отломился и остался в ее теле. Спокойно, словно сидя в клубе и глядя в окно, он представил себе все, что могло произойти дальше. Он знал, что солдаты найдут подозрительный труп, извлекут подозрительный обломок и обратят внимание на странную сломанную шпагу… или же на ее отсутствие. Он убил человека, но не добился молчания. Но его властный ум восстал против непредвиденного

затруднения: оставался еще один выход. Он мог сделать труп менее подозрительным. Он мог навалить целую гору трупов, чтобы скрыть этот. Через двадцать минут восемьсот английских солдат выступили навстречу своей гибели.

Теплый огонек за черным зимним лесом разгорался все ярче, и Фламбо зашагал быстрее, стремясь приблизиться к нему. Отец Браун тоже ускорил шаг, но по-прежнему был совершенно поглощен своим рассказом.

— Доблесть этого английского полка и военный гений его командира были так велики, что если бы они сразу же атаковали холм, то даже после своего безумного марша могли бы рассчитывать на удачу. Но злой разум, игравший ими, как пешками, имел другие цели и причины для действия. Они должны были оставаться в трясине у моста по крайней мере до тех пор, пока трупы британцев не станут там привычным зрелищем. Тогда наступало время для величественного финала: седовласый благородный командир отдает свою сломанную шпагу, чтобы уберечь солдат от полного истребления. О да, это было слишком хорошо продумано для импровизации. Но я думаю, хотя и не могу этого доказать, что, пока они торчали в кровавом болоте, у кого-то возникли сомнения…

и кто-то догадался.

Он на мгновение задумался и сказал:

— Некий голос из ниоткуда подсказывает мне, что человеком, который догадался, был любовник… тот, кто обручился с дочерью генерала.

— А как же Оливье и виселица? — спросил Фламбо.

— Отчасти из рыцарских, а отчасти из политических соображений Оливье редко отягощал свой обоз военнопленными, — заметил рассказчик. — В большинстве случаев он всех отпускал на свободу. На этот раз он тоже всех отпустил.

— Всех, кроме генерала, — уточнил высокий человек.

— Всех, — сказал священник.

Фламбо нахмурил черные брови.

— Я так и не понял до конца, — признался он.

— Есть другая картина, Фламбо, — произнес Браун более загадочным тоном. — Я не могу ничего доказать, но я могу ее видеть. Вот лагерь, который снимается поутру с голых, выжженных солнцем холмов, и мундиры бразильских солдат, выстроенных в походную колонну. Вот красная рубашка и длинная черная борода Оливье, которая развевается на ветру, когда он стоит с широкополой шляпой в руке. Он прощается с

великим противником, которого отпускает на свободу, — с простым, убеленным сединами английским ветераном, который благодарит его от имени своих солдат. Остатки англичан стоят сзади по строевой стойке; за ними можно видеть запасы провианта и транспортные средства для отступления. Барабаны выбивают дробь, и бразильцы приходят в движение, но англичане остаются неподвижны, как статуи. Так продолжается до тех пор, пока не стихают последние звуки, и мундиры противника исчезают в тропическом мареве. Потом они одновременно меняют позу, словно ожившие мертвецы, и обращают пятьдесят лиц к генералу — лиц, которые невозможно забыть.

Фламбо подскочил на ходу.

— О! — воскликнул он. — Но вы же не хотите сказать…

— Да, — произнес отец Браун глубоким взволнованным голосом. — Рука англичанина набросила петлю на шею Сент-Клера; подозреваю, та самая рука, которая надела обручальное кольцо на палец его дочери. Руки англичан отволокли его к позорному столбу, руки тех людей, которые обожали его и вели его от победы к победе. И это англичане — Господи, прости и помилуй нас

всех! — смотрели, как он болтается под чужеземным солнцем на зеленой пальмовой виселице, и в своей ненависти молились о том, чтобы он свалился с нее прямо в ад.

Когда спутники перевалили через пригорок, перед ними вспыхнул ровный свет, пробивавшийся из-за красных занавесок в окнах английской гостиницы. Она стояла боком к дороге, словно хотела показать всю широту своего гостеприимства. Три двери были приветливо открыты, и даже оттуда, где они находились, можно было слышать гул голосов и смех людей, устраивавшихся на ночлег.

— Едва ли мне стоит продолжать, — сказал отец Браун. — Они судили его в глуши и казнили по заслугам. Потом, в честь Англии и его дочери, они дали вечную клятву молчания, похоронившую историю о кошельке изменника и шпаге убийцы. Возможно, они попытались забыть об этом; тогда Бог им в помощь. Давайте и мы попробуем забыть, тем более что вот уж и наша гостиница.

— С превеликим удовольствием, — сказал Фламбо и уже собрался было войти в шумный, ярко освещенный бар, но внезапно отступил назад и едва не упал на дорогу. — Смотрите, дьявол его побери! — воскликнул он и указал на прямо-

угольный деревянный указатель, вывешенный над дорогой. На нем можно было разглядеть грубые очертания эфеса шпаги и сломанного клинка, а стилизованная под старину надпись под ним гласила: «Знак Сломанной Шпаги».

— Вы не были готовы к этому? — мягко спросил отец Браун. — Он здешний кумир; половина гостиниц, улиц и парков названы в честь его подвигов.

— Я-то думал, мы покончили с этой проказой, — проворчал Фламбо и сплюнул на дорогу.

— Вы никогда не покончите с ним в Англии, — отозвался священник, не поднимая головы. — Никогда, пока бронза прочна, а камень не рассыпался в прах. Его мраморные статуи столетиями будут возвышать души гордых и невинных подростков, его сельское надгробие будет источать лилейный аромат верности своей стране. Миллионы людей, никогда не знавших его, полюбят его как отца — того самого человека, с которым последние немногие, кто знал его на самом деле, обошлись как с кучкой навоза. Он будет святым, и правда о нем никогда не станет известна, потому что я наконец принял решение. В раскрытии тайн содержится так много добра и зла, что я подвергну свои принципы испытанию на прочность.

Все газеты со временем истлеют. Антибразильская шумиха уже улеглась, и к Оливье повсюду относятся с уважением. Но я пообещал себе: если где-либо — в металле или в мраморе, долговечном, как пирамиды, — появится обвинение в адрес полковника Клэнси, капитана Кейта, президента Оливье или другого невинного человека, то я заговорю. Если же несправедливая хвала достанется лишь Сент-Клеру, я буду безмолвствовать. И я сдержу свое слово.

Они вошли в таверну с красными занавесками на окнах, не просто уютную, но даже роскошную изнутри. На столе стояла серебряная модель надгробия Сент-Клера со склоненной серебряной головой и сломанной серебряной шпагой. На стенах висели раскрашенные фотографии той же сцены и экипажей, на которых приезжали туристы для осмотра достопримечательности. Друзья опустились на удобные мягкие скамьи.

— Ну и холодно же было! — воскликнул отец Браун. — Давайте закажем пива или вина.

— Или бренди, — сказал Фламбо.